

Любовь Флорова

г. Самара

***

Выйдешь со дна на берег, долго идешь
пешком
в гору, в город с золотым петушком
на единственной башне, на умной башке
Это твоя родина, с родинкой на гребешке
в любую дверь постучишься,
за каждой тебе – приют
а они говорят
там воруют и пьют
воруют и пьют
Это твоя родина, в ней кто брат тебе,
тот и волк
ей много названий разных, одно из имен
совок
(из детства песочничного, из окающего
далека
слово, в нем мутная не выговоренная тоска)
прихлопываешь по ведерку – что там, кулич
или пирожок
И, шелковая бородушка, с башни слетит
петушок
он клюнет по темечку времени в дышащий
родничок
а тебе нет еще года, ты никому, молчок
Взлетают ракеты, шумит ракета
спит братец серый волчок
у тебя зарастает темечко
времени родничок

***

Чтоб выбраться на кладбище, мы ждали
большого праздника, тогда дают автобус,
и не один, а много – друг за дружкой.

И тысячи самарцев безмашинных
все в этот день торопятся с утра
по разным направлениям за город.

Мы мчимся к автостанции «Аврора»,
с трамвая на автобус специальный
враз перепрыгнув, едем на «Рубёжку»
(я, маленькая, думала – «рыбешка»).

Вот Пасха или даже День Победы -
по улице кладбищенской иду,
за бабушкой и мамой поспеваю.

Тут музыканты звонкое играют,
цыганки с малышами просят денег.
Живые едут к мёртвым погостить.

Те с фотографий на живых глядят:
что с ними стало – быстро ли стареют,
когда уже навечно будут рядом?

На маленьких глядят: се кто такие?
А, нарожали... Что же – будет, будет...

Теперь и ты, родимая, лежишь
на том же тёплом кладбище весеннем.
А мы к тебе – не в праздник, на машине,
в любой обычный день, когда здесь пусто
и нет ни музыкантов, ни цыган.
С твоею дочерью и правнучкой твоей...

На кладбище по линии восьмой
мне к озеру спуститься.
На озере том лебеди бывают...

Не твоя история

семидесятилетней женщине дали три года
за три трехлитровые банки, украденные
с забора соседского огорода
она говорила – я их не крала, я думала,
они никому не нужны
но это неправда – сказали ей – это вы
никому не нужны

банки стояли безмёдны, безвинны и рады
федорой отмытые, сияли на кухне боками
«наполню их завтра, сегодня ни меду нет,
ни винограду
только птицы и звезды за синими облаками

звезды и птицы
деревья и мысли
завтрашний день
и не знаю что будет после
чашки и блюдца
на кухне от горя бьются
банки сияют
а в руки мне не даются»

после суда, но ты не узнаешь об этом
(писем тебе не напишут, никто к тебе
не приедет)
на заборе соседском окажутся три поэта
они будут петь песни твоим соседям

утро одинаково начинается с гимна банкам
в полдень мужчины поют оду кривым
заборам
вечерами они голосят серенады
ограбленным бабкам
пугая окрестности дактилическим ором

и так каждый день, весь твой срок,
всю твою ходку
соседи сойдут с ума, но ты не узнаешь
об этом
они попросят твоих домочадцев – дайте
нам ее фотку –
побегут в церковь, свечи поставят в ноги
поэтам

видишь, как все отлично кончается,
как хорошо канается

то, что казалось бы, так неожиданно
начиналось
и я понимаю, а ведь я не хочу, чтобы это
кончалось
впрочем, се уже не твоя история, и тебя
она не касается

Божья ошибка

«У меня два ребенка – дочка и дочка,
и нет мне ни одного сыночка.
Адам на меня не глядит.
Все нудит – если третий окажется дочкой,
пойдет да и сам родит.

А я уже бочка бочкой. И тот, кто во мне,
откликается на «доченьку-дочку»,
а когда говорю – «сыночек ты мой,
сыночек», –
кулачком не стучит, молчком молчит.
Душа у меня болит», –
так Ползучему Гаду говорила Лилит.

«Он бросит меня, он уйдет к этой, как ее,
Еве.
Она целыми днями сидит на древе, поедая
плоды.
Бесцветная! Из чего ее сделали? Из воды?
Посмотри в ее глаза, Адам! Они как пустые
ведра –

она и не думает о тебе! А ты
примеряешься к ее бедрам,
думаешь – Ева родит мне пацана,
здоровая баба она».

Лилит родила четвертую бабу в семью.
Адам сказал, что все это он вертел
на своем краю.

Вещей не взял, так голышом и направился
к Еве.

Та сидела на древе,
прозрачная, что из воды выпрыгнувшая
русалка.

Адам сказал:
«Ты моя самка,
а другая – божья была ошибка.
То, что было с ней, неслитово. И да будет
все снова,
да будет все снова. Аминь. Готово».